

СЕКЦИЯ 8. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ И ЧЕЛОВЕКОМЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В.А Белокрылова, доцент
ralfinaster@gmail.com
БГЭУ (Минск)

В.А Белокрылова. ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Стратегии и тактики эффективного управления, искусство воздействия на человека и социальные общности таким образом, чтобы управленческие цели достигались с согласия и при поддержке самих управляемых служили объектом вождения политических элит и предметом дискуссий мыслителей различных эпох. Подобные идеи высказывали Платон, Макиавелли, Руссо и многие другие. Задача оптимизировать, рационализировать, контролировать эффективность разнообразных управленческих практик оставалась актуальной на протяжении всей человеческой истории. Современность отличает потребность в более тонкой настройке воздействия на человека, обеспечивающее не просто подчинение и дисциплину, а высоко мотивированный труд, инициативность, эмоциональную вовлеченность, креативность.

Почему именно сейчас, в постиндустриальном обществе, формируется полномасштабный социальный запрос на социогуманитарные технологии, и как следствие – наблюдается бум их расширенного воспроизводства и стремительное завоевание все новых регионов человеческого бытия? Что служит драйвером вытеснения «слишком человеческого» в пользу «слишком технологического»?

Подобно тому как при определенных исторических условиях идеи становятся материальной силой, в информационно-коммуникационном обществе значение управляемой активности масс экспоненциально возрастает. Это перспективный значимый рыночный ресурс с неограниченной добавленной стоимостью. Сегодня мы в изобилии можем фиксировать расцвет технологий воздействия как на производителя, так и на потребителя. Объектом технологизации становятся и труд, и потребление. Если специфике процессов технологизации потребителя – политтехнологиям и технологиям формирования общественного мнения, рекламе и пиару,

социальному маркетингу и SMM менеджменту со стороны гуманитариев уделяется много внимания, то технологизация производителя в качестве объекта гуманитарной рефлексии, выходящей за пределы специализированных сфер менеджмента и бизнес-аналитики, пока еще достаточно малораспространенное явление.

Характер трудовой деятельности в постиндустриальном обществе существенно модифицируется. На первый план выходят такие новые требования, как формирование коммуникативных компетенций, управление знаниями в организации, обеспечивающий куммулятивный эффект и позволяющее «отвязать» знание от их «случайных» носителей и сделать их достоянием организационной культуры, совокупного капитала предприятия, эмоциональный труд (содержащий регламентацию эмоций, представления о приемлемом и допустимом в рамках выполнения профессиональных обязанностей), кастомизация продукции и услуг под нужды конкретных потребителей.

Социогуманитарные технологии тесно интегрированы в механизмы жизнедеятельности современного информационного общества. В чем состоит их специфика по сравнению с традиционными управленческими практиками? В ситуации информатизации, глобализации, мультикультурных процессов и аксиологического плюрализма очевидной становится ограниченность моделей традиционного «вертикального» управленческого воздействия. Сетевым структурам постиндустриального общества коррелятивны «мягкие технологии»: например технология мягкой силы как способ реализации влияния на международной арене. Кроме того, следует учитывать цивилизационные завоевания гуманизма, личностной автономии, политические права и свободы, требование политкорректности и т.п., которые накладывают определенные ограничения на прямое «авторское» управляющее воздействие. Поэтому социогуманитарные технологии могут быть дифференцированы из массива управленческих практик как раз по признаку опосредованного (непрямого) воздействия. Данное обстоятельство актуализирует необходимость выработки особых подходов для экспликации, при необходимости реконструкции и деконструкции латентных механизмов их влияния и распространения.

Парадоксально, но именно повсеместное распространение социогуманитарных техник и технологий в современной культуре создает трудности их экспликации, делает их неочевидными. В век массового общества, медийно опосредованной коммуникации, обилия информационных и идеологических симулякров нелегко вычлнить в социальном пространстве нетехнологизируемое «иное». Сложно однозначно указать на «естественное» в противоположность искусственно сконструированному с какой-либо целью и в чьих-либо интересах.

Популярное в обществоведческом дискурсе понятие «социальная (социогуманитарная) технология» при ближайшем рассмотрении демонстрирует достаточно парадоксальные свойства. С одной стороны,

поступательная технологизация социокультурной сферы мало у кого вызывает сомнения. С другой стороны, содержание, границы и концептуальные координаты понятия «социогуманитарная технология» нерегламентированы и контекстуальны. Широкое употребление данного понятия и разнородный смысл, которым наделяют его исследователи в зависимости от изначальных концептуальных установок и контекста, имеют беспрецедентный масштаб.

Мы разделяем позицию, согласно которой отсутствует какой-бы то ни было значимый водораздел между социальными и гуманитарными технологиями. «В широком смысле социальные технологии включают также гуманитарные технологии, ориентированные на отдельного индивида, а не социум в целом. Демаркационные линии между социальными (имеющими отношение к обществу) и гуманитарными (имеющими отношение к человеку) зачастую условны. [1, с.78]. «Социально-гуманитарные технологии ...это почти неологизм. Это на уровне метафор, журналистских приемов...В социальных науках слой социально-технологического знания находится в стадии становления» [2, с.30].

Многие исследователи указывают на метафоричность термина социальная технология, имея в первую очередь его лишь структурное, но не сущностное соответствие прототипу, той совокупности явлений, которые привычно именуется технологиями в техносфере. Технология это то, что происходит в технической сфере при упорядоченной обработке неодушевленного материала, а отнюдь не мыслящей и волящей «социальной материи». Определение социальной технологии «по аналогии» с технологией в ее аутентичном инженерном значении оставляет много двусмысленностей и вопросов. В частности это вопросы о свободе воли, критериях оценки деструктивного и конструктивного воздействия на человека, об артикуляции либо сокрытии подлинных целей воздействия для его реципиентов и т.д.

Принципиальное значение имеет вопрос – являются ли социогуманитарные технологии научной производной, либо в данном случае наука «плетется в хвосте» у доказавшей свою эффективность практики? Какие достижения гуманитарной науки легли в основу социальных технологий, и наоборот, – какие современные гуманитарные теории стали рефлексивным ответом на соответствующие социальные процессы? Как соотносятся критерий практической эффективности и постулаты научности и должна ли наука «перед лицом» экспансии социогуманитарных технологий корректировать собственные теоретические схемы? Не праздным является и вопрос об этичности социально-гуманитарных технологий: вправе ли наука выступать в роли инструмента социальных преобразований в чьих-либо интересах.

Полифония смыслов, которыми наделяется понятие «социальная технология» в зависимости от изначальных установок и контекста, имеет беспрецедентный масштаб. Не претендуя на полный охват всех «разночтений» в этой области, попытаемся хотя бы в общих чертах

обозначит спорные пункты, точки «бифуркации» исследовательских позиций по поводу этого понятия.

Технологии социогуманитарного профиля различаются по масштабу целевой аудитории от трансграничного влияния («мягкая сила», «цветные революции») до локальных проектов (адаптация мигрантов, социализация молодых ученых, управление знаниями на предприятии). Их следует также отличать от естественно протекающих социокультурных процессов и механизмов (например социализация подрастающего поколения в определенных культурных рамках). Социальная технология как и ее инженерный прототип – это явление «рукотворное», искусственное. Однако зачастую естественная системно-социальная воспроизводимость культурных практик может быть ошибочно расценена как целенаправленное регулярное воспроизводство кем-то в каких-то целях. И наоборот, технологии, действующие инкогнито, охотно и весьма убедительно мимикрируют под естественные процессы воспроизводства социальной жизни, встраиваются в их механизмы и действуют от их имени.

Существенной атрибутивной чертой социогуманитарных технологий является их целерациональный характер. Однако в качестве средств и инструментов их реализации вполне могут быть использованы и традиции, и ценности, и аффекты. Чем более эмоционально окрашен некий посыл влияния, тем выше коэффициент его полезного действия.

Социогуманитарные технологии – это сложный, многоаспектный и амбивалентный феномен современности, тесно интегрированный в структуры информационного общества. Ставшую крылатой формулу классика «не просто объяснять, но изменять окружающий мир» социогуманитарные технологии реализуют в различных целях и разнообразными способами.

Социальные технологии представляют своеобразное алиби социогуманитарных наук перед возрастающими требованиями эффективности и инновационности. «Использование социальных технологий управления в различных сферах жизнедеятельности человека привели к образованию нового типа управленческой культуры – концептуально-стратегической. Основная отличительная ее особенность – это инновационность, под которой понимается превращение информации, знаний в материальный ресурс, в коммерческий доход» [3]. В то же время рыночная востребованность социальных технологий как инструментов коммодификации и максимизации коммерческого эффекта сосуществует с их гуманистически ориентированным применением. Дистанция между императивом эффективности и императивом гуманизма постоянно увеличивается. Как не парадоксально, «гуманитарные» отнюдь не обязательно означают гуманные и конструктивные.

Принципиальным для этико-мировоззренческой оценки феномена социогуманитарных технологий представляется определение их отношения к человеку: человек – это конечная либо лишь средство инновационных трансформаций? Человек для экономики, либо экономика для человека?

Очевидно, что подлинным ответом здесь будет не декларация о благих намерениях (вспомним широко известное некогда «все для человека, все во имя человека»), а гуманитарно соразмеренные сценарии достижения целей, корректная постановка этих целей, учет ее ближайших и отдаленных последствий не просто для «человеческого капитала», рассматриваемого через призму исключительно экономической эффективности. В рефлексивном продуцировании, и ценностном лоббировании гуманных параметров общественных взаимодействий и состоит прямая миссия гуманитарных наук в эпоху коммодификации, сопровождающей становление когнитивного капитализма.

В целях методологически корректного употребления понятия «социогуманитарная технология» (СГТ) сформулируем его наиболее характерные атрибутивные признаки. Эти признаки могут играть роль «идеальных типов», в соответствии с которыми можно выделить данный феномен из массива внешне схожих с ними практик и процессов.

А) эффективность. Означает, что технология с достаточно высокой статистической вероятностью реализует свои цели. Собственно благодаря этому, она становится заметной. «Она работает».

Б) наличие эксплицитных целей по преобразованию своего предмета. Здесь важно провести различие информационно-коммуникационных технологий и технологий социогуманитарных, которые зачастую отождествляют именно по критерию их воздействия на сознания людей.

В случае СГТ предмет – это сознание, поведение, деятельность, убеждения человека (общественных групп). Предмет информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) – проектирование программно-технических средств, сфера их функционирования – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. Очевидно, что социогуманитарные технологии активно используют информационно-коммуникативные технологии в качестве средства достижения своих целей, многие из них в принципе стали возможны благодаря развитию ИКТ. Налицо конвергенция различных технологий. Но, речь о социальных технологиях может идти тогда, и только тогда, когда их предметная направленность (то, что пытаются изменить в заданном направлении) – человек и общество, когда присутствуют четкие цели, средства и алгоритмы достижения подобных изменений.

В) Простого желания нечто изменить, на что-то повлиять недостаточно, важно иметь знание о средствах его достижения, ну и, собственно, сами средства. Следует отметить что знания, умения и компетенции в случае именно технологии (а не вообще управляющего воздействия как такового), во-первых, эксплицитно выражены, сформулированы, разделены на этапы, сведены к алгоритму, т.е. рефлексивно обработаны и оформлены в достаточной степени; во-вторых, в силу этого, они могут передаваться, транслироваться и воспроизводиться в сходных условиях. Этимология слово

«техне» – мастерство, искусство как индивидуальное достояние мастера. Технология, выстроенная посредством «логоса» – рефлексивной реконструкции методологии и алгоритма успешных практик, выводит компетенции на надиндивидуальный уровень массового воспроизводства и употребления.

Г) Эпирическая повторяемость (широкая распространенность) неких практик, дает провокационный повод заподозрить в их основе проявление определенной технологии. Однако общественная жизнь, коммуникация, культура вообще состоят из множества регулярно повторяющихся и исторически эволюционирующих рутинизированных практик и ритуалов. Соблазн домыслить технолога-кукловода, социального инженера, стоящего за идущими в определенном направлении событиями, был и остается очень сильным, особенно в периоды социальных трансформаций. Отсюда не теряющие своей популярности конспирологические теории, основанные на интуиции «происходящим кто-то управляет».

Важным критерием выделения социальных технологий из массива явлений социальной реальности (процессов, практик, изменений, имеющих свои причины в определенном влиянии извне и т.п.), является различие «искусственного» и «естественного». При этом искусственное (спроектированное) должно обладать признаками А, Б, В, дающие основания, рассматривать некую социальную практику как технологию. Определенность целей, осознанность средств и эффективность многошаговых стратегий в движения в заданном направлении являются весомым поводом предположить, что перед нами именно социогуманитарная технология. Важным условием квалификации явления в качестве социальной технологии является наличие целенаправленного *перехода от сущего к должному*. Т.е. должное возникает как функция искусственного проектирования, для которого соблюдаются условия пунктов (А, Б, В). Продолжительные исторические тренды и разовые одномоментные случаи социального влияния в этом смысле не могут быть отнесены к социальным технологиям.

Д) Влияние информационно-коммуникационных технологий на сознание, коммуникацию, среду жизнедеятельности и т.п. не должно напрямую отождествляться с воздействием социогуманитарных технологий без достаточного на то основания. А именно – наличия в «анамнезе» сведений о целенаправленном (б), эффективном (а) и рефлексивно структурированном (в) воздействии на сознание, поведение, деятельность человека (социальных групп).

В ситуации плюрализма подходов, критериев и разнообразия потенциально напоминающих социогуманитарные технологии феноменов, наиболее корректным будет идентификация данного класса явлений через обнаружение у них вышеуказанных функциональных особенностей, которые могут расцениваться в качестве «идеально типических» атрибутивных признаков. Обладание подобным минимальным набором атрибутом будет свидетельством того, что перед нами именно социальная технология.

Отсутствие – необходимость понятийной переквалификации рассматриваемого феномена, например как целерациональной, ценностно-рациональной либо воспроизводящей определенные традиции практики.

Список источников

1. Аргамакова А.А. Прикладное социогуманитарное знание, социальные технологии и инженерия // Epistemology & Philosophy of Science. 2015. – №4 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prikladnoe-sotsiogumanitarnoe-znanie-sotsialnye-tehnologii-i-inzheneriya> (дата обращения: 23.11.2019).
2. Касавин, И. Т. Социальная философия науки: как возможна теория социальных технологий? / Касавин И. Т., Антаков С. М., Беляров В. В., Дорожкин А. М., Кутырев В. А., Скородумов Д. А., Шаталов-Давыдов Д. Ю., Шибаршина С. В.// The Digital Scholar: лаборатория философа. – 2018.– Т. 1.– № 1.– С. 23–49.
3. Шадрина Л.Ю. Социальные технологии в системе управления / Л. Ю. Шадрина. – Новосибирск : НГУЭУ, 2011. – 306 с.

*В.А. Гавриленко, доцент, докторант Юридического факультета
Университета Сапиеца*
gv22@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
Новгородский государственный университет
(Рим, Санкт-Петербург, Великий Новгород,)*

В.А. Гавриленко. ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ИНСТИТУТ КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА

В Российской Федерации постоянно действующие арбитражные учреждения можно разделить на международные коммерческие арбитражи и «внутренние» третейские суды, разрешающие споры субъектов внутри страны. Международный коммерческий арбитраж представляет собой третейский суд, основной целью которого является разбирательство международного коммерческого спора в определенном процессуальном порядке, как правило, между сторонами, принадлежащими к различным правовым системам. Следует указать, что «большое значение для международного коммерческого арбитража имеет наличие обширной международно-правовой базы. Его деятельность опирается на большое число международных конвенций» [1, с. 60].